

ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ

П.М. Мозиас

НИУ ВШЭ

Взаимодействие государства и корпоративного сектора в современной экономике КНР

Развитие рыночных отношений и частного предпринимательства — магистральная линия трансформации постсоциалистических обществ. Не является исключением из этого правила и Китайская Народная Республика, хозяйство которой включает в себе черты, свойственные и переходным, и развивающимся экономикам. Рыночные реформы начались в Китае ещё на рубеже 1970–1980-х годов. Всё это время китайская официальная идеология отрицала необходимость осуществления в стране приватизации. Тем не менее, за последние десятилетия в Китае на место почти полностью огосударственной пришла многоукладная экономика. На индивидуальные, частные (к последним относятся компании с более чем 8 наёмными работниками), различные паевые и акционерные предприятия в настоящее время приходится около 50% производства китайского ВВП. Порядка 15% обеспечивают действующие в Китае предприятия с иностранными инвестициями.

Ещё около 10% приходится на «коллективный сектор», но нужно учитывать, что в его составе китайской статистикой учитывается и основная масса крестьянских дворов, хозяйствующих на началах так называемого семейного подряда. Формально земля в китайской деревне считается коллективной собственностью, но фактически она ещё в начале 1980-х годов была передана крестьянским семьям на правах долгосрочной аренды, а какого-либо института, олицетворяющего собой коллективное хозяйствование на селе, с тех пор не существует. На предприятия, остающиеся под полным или частичным контролем государства, приходится только около 20% национального ВВП и 16–17% объёма промышленного производства.

© Мозиас П.М., 2014

Распределение занятого населения в городах и посёлках Китая между предприятиями различных форм собственности складывалось в 2012 г. следующим образом. На государственных предприятиях работали 68,39 млн. человек (18,4% всех занятых), на коллективных – 5,89 млн. (1,6%), на индивидуальных – 56,43 млн. (15,2%), на частных – 75,57 млн. (20,4%), на акционерных – 13,92 млн. (3,8%), в компаниях с ограниченной ответственностью – 37,87 млн. (10,2%), на предприятиях с иностранными инвестициями – 22,15 млн. (6,0%). Очевидно, что на хозяйственные уклады, которые принято относить к общественным формам собственности (государственной и коллективной), приходится в настоящее время не более 1/5 занятых в городском секторе экономики (см. [18, с. 44]).

Применительно к современной китайской экономике сложно говорить о чётком разграничении государственного и частного секторов в традиционном смысле этих терминов, скорее речь идёт о существовании наряду с госсектором целой совокупности негосударственных укладов. Процесс их создания в официальной китайской трактовке именуется «развитие народных предприятий», и он считается вполне позитивным явлением. Фактически же ещё к китайскому хозяйству 1980-х годов вполне было применимо понятие «приватизация», понимаемое в широком смысле слова – как длительный, эволюционный процесс вызревания и развития в экономике негосударственных форм хозяйствования.

На начальных этапах китайских реформ относительно небольшим был удельный вес в этом процессе так называемой приватизации в узком смысле слова, т.е. санкционированной государством передачи государственной собственности в частную на возмездной основе (её также, с определёнными оговорками, можно назвать «приватизацией сверху»). В гораздо большей степени разгосударствление экономики происходило в Китае в 1980–1990-е годы за счёт «приватизации снизу», которая состояла в изменении соотношения сил различных форм собственности за счёт создания принципиально новых, уже изначально негосударственных, предприятий, а не в передаче в негосударственную собственность уже имеющихся производственных мощностей (см. [5, с. 13–16]).

Структурную основу для такого течения приватизации, отличного от процессов, протекавших в постсоциалистических странах СНГ и Восточной Европы, заложило нахождение Китая, как развивающейся страны, в фазе индустриализации. Негосударственные уклады могли в течение длительного времени складываться преимущественно за счёт перераспределения ресурсов из традиционного, аграрного в

современный, индустриальный сектор. Впрочем, ещё в 1980–1990-е годы в Китае имели место и явления «приватизации сверху», но в форме полуполюгального перевода активов в частные руки, их фактического растаскивания, и занимались этим прежде всего представители партийно-государственного аппарата, активно пользовавшиеся своими административными возможностями. С конца же 1990-х годов распродажи госпредприятий, в том числе в пользу иностранных инвесторов, стали в КНР вполне обыденными. Если в 1997 г. число предприятий, находившихся в госсобственности, составляло 262 тыс., то к 2008 г. оно снизилось до 110 тыс. (см. [25, 30.06.2009; 29, 20.05.2004, с. 13]).

Тем не менее, даже применительно к существующему в западных странах высокоразвитому рыночному хозяйству экономическая наука выделяет целый набор ситуаций, когда рыночные и частнопредпринимательские механизмы оказываются сами по себе не способными обеспечить наиболее эффективное разрешение экономических и социальных проблем. Такие ситуации обычно называют «несовершенствами» или «провалами» рынка (market failures). Даже радикальные сторонники либерализма из числа экономистов неоклассического направления признают, что в подобных случаях функционирование рынков должно дополняться государственным вмешательством в экономические процессы. Тем более это справедливо для развивающихся и переходных экономик, где рыночные институты ещё только складываются, а потому их функционирование далеко от оптимального.

Спектр задач, которые приходится решать в экономике государству в странах с «нарастающими» рынками, весьма широк, и понятно, что их решение затруднено наличием многочисленных «провалов государства». Если оно вынуждено брать на себя часть функций, которые пока не могут выполнять несовершенные рынки, то это по определению создаёт массу возможностей для рентоориентированного поведения (rent-seeking), т.е. извлечения доходов за счёт использования административных ресурсов. Само последовательное осуществление политики экономического развития зачастую затруднено из-за чрезмерного влияния на неё со стороны коррумпированной бюрократии и связанных с нею бизнес-структур. Общество же в развивающихся и постсоциалистических странах, как правило, не может эффективно противодействовать разложению госаппарата ввиду своей избыточной фрагментированности и слабости имеющихся демократических процедур. Но и установление авторитарного режима не является само по себе гарантией последовательного движения по пути модернизации, так как и в данном случае властные

возможности могут использоваться не для осуществления необходимых реформ, а в целях обогащения элиты.

Зарубежный опыт свидетельствует, что снизить остроту этих проблем удаётся тем странам, где имеется в наличии общенациональная идеология развития, вписанная в общий социокультурный контекст страны, учитывающая её исторические традиции и в то же время ориентированная на осуществление модернизации. Однако важна не только приверженность элит и всего общества такой идеологии, но и их «открытость» по отношению к внешнему миру, готовность участвовать в международном обмене товарами, капиталами и знаниями, заимствовать передовой зарубежный опыт. Можно утверждать, что современная КНР несмотря на специфику её политико-идеологической системы и множество проблем функционирования её государственного аппарата в целом соответствует этим условиям.

Положение госсектора в современной китайской экономике определяется сложной комбинацией идеологических установок, прагматических соображений и влияния групповых интересов. Официально, в духе концепции «социализма с китайской спецификой», государственный уклад, как олицетворение общественной собственности, и сейчас считается ведущим в экономике. Декларации об этом содержатся и в Конституции КНР, и в принятом в 2007 г. Законе КНР о правах собственности. Однако быстрое сокращение удельного веса госсектора в экономике побудило власти определить в середине 2000-х годов круг отраслей, которые стали именоваться «ключевыми сферами, связанными с безопасностью государства и с судьбой национальной экономики», в них «командные высоты» в любом случае должны оставаться за госпредприятиями. К числу «судьбоносных» отраслей были отнесены: ВПК, нефтяная и нефтехимическая промышленность, электроэнергетика, сектор телекоммуникаций, гражданская авиация, грузовые авиаперевозки, главные ресурсодобывающие отрасли (см. [25, 9.11.2006, 20.12.2006]). Однако и крупные государственные компании этих отраслей в большинстве своём прошли в 2000-е годы процедуры акционирования с выходом на китайские и зарубежные фондовые биржи, миноритарными пакетами их акций владеют не только внутренние, но и иностранные частные инвесторы.

В то же время присутствие госпредприятий сильно и в ряде других отраслей, в частности, в финансовом секторе, металлургии, автомобильной промышленности и даже в производстве некоторых потребительских товаров длительного пользования. По мнению большинства китайских экономистов, оно избыточно и нерационально, так

как эти отрасли не относятся к числу естественных монополий, и там вполне допустима конкуренция с преобладанием негосударственных «игроков» (см. [17, с. 113–116, 124–131, 166–168]). Однако госпредприятия в таких отраслях являются источниками доходов для бюрократических элит, особенно на региональном и местном уровнях. Поэтому существование госпредприятий поддерживается, а проникновение частного капитала блокируется заинтересованными чиновниками с помощью административных процедур утверждения инвестиционных проектов, лицензирования деятельности на рынке, получения лицензий на импорт сырья и оборудования и т.д. (см. [16, с. 104–109, 162–170]).

Центральное правительство неоднократно (в 2005, 2010 гг.) публиковало специальные нормативные акты, направленные на либерализацию доступа частных предпринимателей в сферы, фактически монополизированные госсектором. Однако радикального изменения ситуации пока так не произошло. Более того, антикризисная финансовая поддержка экономики государством в 2008–2010 гг. во многом была использована административно-хозяйственными элитами в собственных интересах. Государственные бюджетные и кредитные вливания пошли главным образом в госсектор, и госпредприятия смогли значительно укрепить свои позиции на рынках (в китайской прессе эту ситуацию обычно описывают формулой «Государство наступает, частник уходит»). И это при том, что высшее политическое руководство КНР и в период осуществления антикризисной программы неоднократно подтверждало свою приверженность цели создания в Китае конкурентной, саморегулирующейся экономики.

Прагматическое начало проявляется в осуществлении государством промышленной политики. В Китае периодически принимаются программы развития или оздоровления тех или иных отраслей экономики. К примеру, в рамках антикризисной политики Госсоветом КНР в 2009 г. были заявлены планы «оживления и реструктуризации» 10 ведущих отраслей народного хозяйства (автомобилестроение, машиностроение, судостроение, электроника и информатика, текстильная и лёгкая промышленность, нефтехимия, чёрная и цветная металлургия, оптовая торговля).

Такие программы могут предусматривать как вывод из эксплуатации избыточных производственных мощностей в госсекторе, так и, наоборот, создание новых госпредприятий или вложения государственных инвестиций в совместные с частным сектором проекты. Поддержка приоритетных отраслей осуществляется и косвенным воздействием государства: предоставлением налоговых льгот, субсидируемых кредитов, снижением экспортных пошлин на продукцию отрасли

и другими внешнеторговыми преференциями и т.д. Впрочем, приходится констатировать, что в условиях всё ещё не до конца прояснённых прав собственности подобная поддержка тоже зачастую оказывается в силу особой мотивации. Её привилегированными бенефициарами могут быть не только предприятия госсектора, но и частные предприятия, чьи владельцы и менеджеры поддерживают персонафицированные связи с представителями партийно-государственного аппарата и в которые по «серым» схемам инвестированы деньги из местных бюджетов или личные средства чиновников.

Ряд государственных программ нацелены на укрепление инновационного потенциала китайской экономики, её диверсификацию за счёт развития наукоёмких отраслей. С 1986 г. в Китае осуществляется государственная программа «863», поддерживающая прикладные научные исследования. С того же года действует программа «Искра», предусматривающая внедрение новых технологий в сельском хозяйстве; с 1988 г. – программа «Факел», нацеленная на коммерциализацию научно-технических достижений; с середины 1990-х годов – программа «Золотой мост», стимулирующая внедрение информационных технологий в различных отраслях экономики. В 1997 г. был принят план «973» по развитию фундаментальных исследований. В 2010 г. Госсоветом КНР в качестве «новых стратегических отраслей» – приоритетов государственной структурной политики – были определены: энергосбережение и экология; информатика нового поколения; биотехнологии; высокотехнологичное станкостроение; разработка альтернативных источников энергии; производство новых материалов; автомобилестроение, предусматривающее использование альтернативных энергоносителей (см. [25, 9.09.2010]).

Экспортная деятельность китайских предприятий различных форм собственности поддерживается возмещением им из бюджета сумм налога на добавленную стоимость, уплаченного при реализации на внешних рынках, и освобождением ввозимых ими товаров производственного назначения от импортных таможенных пошлин и косвенных налогов; кредитами государственных банков (прежде всего, Банка Китая и Экспортно-импортного банка Китая), страхованием экспорта специализированной государственной компанией Sinosure, посреднической деятельностью государственных внешнеторговых компаний, экономической дипломатией политического руководства страны. За годы реформ в Китае накоплен большой опыт взаимодействия с иностранным капиталом. В течение длительного времени в 1980–1990-е годы он привлекался прежде всего в свободные экономические зоны различных типов («специальные экономические зоны»),

«зоны экономического и технического развития», «зоны высоких технологий», «зоны свободной торговли», «приграничные открытые зоны» и др.), причём необходимая инфраструктура в них создавалась главным образом за счёт государственных капиталовложений.

Партнёрами иностранных фирм по совместным проектам часто выступают госпредприятия, особенно если речь идёт о создании СП, ориентированных на освоение внутреннего рынка Китая и предполагающих достаточно существенный технологический трансферт. Специально для посредничества в привлечении иностранных инвесторов на общенациональном и региональном уровнях ещё в 1980-е годы были созданы квазигосударственные «инвестиционно-трастовые компании», они часто сами на долевого основе участвуют в совместных проектах.

Организационно-правовые формы инвестиционного сотрудничества многообразны: это паевые и контрактные совместные предприятия, компенсационные соглашения, проекты поручительской обработки и сборки и т.д. Многие наработки, полученные в ходе взаимодействия государства с иностранным капиталом, впоследствии были распространены и на отношения с национальными негосударственными предприятиями. В частности, именно в ходе привлечения иностранных инвестиций в КНР были первоначально отработаны процедуры заключения концессионных соглашений в инфраструктурных отраслях, которые можно назвать государственно-частным партнёрством в узком смысле слова. В данном случае предметом сотрудничества является производство услуг, которые полностью или частично подпадают под категорию общественных благ.

По данным Всемирного банка, за 1990–2011 гг. в КНР было реализовано 1018 проектов, основанных на договорных отношениях между государственными инстанциями и частными инвесторами, совокупные капиталовложения составили 116,0 млрд. долл. (см. [14, с. 28]). Основными реципиентами инвестиций такого рода были электроэнергетика, транспорт (особенно строительство платных автодорог), а также отрасль водоочистки, водосбора и водораспределения. В социальной сфере Китая (в здравоохранении, образовании) такие проекты пока не использовались. Большинство проектов реализуется по следующим схемам:

– BOT (Build, operate and transfer, т.е. «Строительство, управление, передача»): объект инфраструктуры строится за счёт инвестора, используется им вплоть до достижения окупаемости вложенных средств, а затем передаётся государству;

– ВООТ (Build, own, operate and transfer, т.е. «Строительство, владение, эксплуатация, передача»): частный партнёр получает правомочие не только использовать, но и владеть объектом в течение срока действия соглашения, после чего объект передаётся государству;

– ТОТ (Transfer, operate and transfer, т.е. «Передача, управление, передача»): государство, сохраняя за собой право собственности, передаёт на определённый срок право на эксплуатацию объекта частному оператору за установленную плату, по истечении срока договора право на эксплуатацию возвращается государству.

Первый в Китае проект по схеме ВООТ начал осуществляться в 1984 г. Речь шла о строительстве электростанции с участием гонконгской компании Hopewell Holdings в «специальной экономической зоне» Шэньчжэнь. В том же году был подписан первый договор по типу ВООТ – с гонконгским консорциумом НКТС о строительстве подводного туннеля, который соединил входивший в состав этой английской колонии остров Квори Бэй с материковой частью КНР. Если модели ВООТ и ВООТ уже давно использовались в практике многих стран, то схема ТОТ была впервые отработана в Китае, она применяется главным образом в строительстве скоростных автомагистралей (см. [2, с. 16–56, 69–80]).

К концессионным близко примыкают соглашения о разделе продукции (в КНР их называют «соглашениями о совместной разработке природных ресурсов»), в рамках которых деятельность по добыче полезных ископаемых совместными усилиями государства и частных инвесторов строится на договорных началах, отличных от обычного лицензионного режима недропользования. В Китае до сих пор партнёрами госкомпаний по таким соглашениям выступали только иностранные фирмы.

Привлечение государством частных инвесторов в энергетику и другие базовые отрасли с помощью концессионных и других гражданско-правовых договоров позволяет, с одной стороны, компенсировать нехватку средств у каждого из партнёров, а с другой – уменьшить риски (неэффективности использования ресурсов государством и неопределённости получения прибыли частником). Реализация таких проектов, несомненно, способствует общему укреплению потенциала роста национальной экономики. Однако и в данном случае мотивация к инвестированию государственных средств может быть обусловлена не приоритетами развития, а групповыми интересами.

Значительная часть инфраструктурных проектов на местах осуществлялась в последние годы в Китае так называемыми инвестиционными платформами. Речь идёт о государственных или смешанных

государственно-частных компаниях, капиталы которых формируются не только путём передачи туда активов, контролируемых местными властями (например, земельных участков или пакетов акций в госпредприятиях местного подчинения), но и за счёт кредитных ресурсов. Собственно говоря, эта организационно-правовая форма хозяйственной деятельности и была изобретена на местах для того, чтобы обходить установленные законодательством прямые запреты на выдачу банковских кредитов местным правительствам.

Всего в Китае насчитывается более 8 тыс. таких компаний. Деятельность «платформ» особенно пышно расцвела в период осуществления в 2008–2010 гг. антикризисной политики. Пользуясь выдвинутой центральным правительством установкой на поддержание экономического роста любой ценой, они могли без особых проблем инициировать новые проекты сомнительной нужности и получать под их реализацию кредиты государственных банков.

Совокупная кредитная задолженность «платформ» подскочила с 5,3 трлн. юаней на конец мая 2009 г. до 10,7 трлн. юаней на конец 2010 г., что соответствовало более 20% общенационального ВВП (см. [26, 11.07.2011; 27, 2011, № 29, с. 30]). При этом и структура их собственности, и их финансовые потоки весьма непрозрачны. Хотя формально «платформы» являются независимыми юридическими лицами, но ясно, что в случае финансовых затруднений урегулировать их придется местным правительствам. Одни и те же активы зачастую использовались в качестве залогов по кредитам разными «платформами», цепочки их долговых обязательств нередко закольцованы, и возможные неплатежи могут вызвать «эффект домино».

В любом случае если значительная роль, которую играет государство в китайской экономике, является компенсацией относительной неразвитости рыночных механизмов, то ситуация должна меняться по мере созревания последних. Причём практика показывает, что непосредственные импульсы к новым реформам обычно связаны с накоплением и обострением макроэкономических, структурных и социальных проблем, вызванных функционированием сложившейся хозяйственной системы.

Институциональная структура с нечёткими, непрозрачными правами собственности действительно способствовала в 1980–2000-е годы поддержанию высоких темпов экономической динамики в Китае. Главным локомотивом экономического роста при этом был инвестиционный спрос, расширявшийся благодаря мягкости бюджетных ограничений – доступности государственного финансирования и перекладывания на государство убытков, аккумулированных при реализации неудачных инвестиционных проектов. Однако возникавшие на

такой основе гипертрофированные инвестиционные бумы влекли за собой скачки инфляции. В ответ власти вынуждены были прибегать к «урегулированим» экономики (ужесточать денежную политику и административный контроль над капиталовложениями), а это приводило к резким замедлениям экономического роста.

Чередование инфляционных «перегревов» и «урегулирований» ещё в 1980-е – первой половине 1990-х годов стало свойственной китайской переходной экономике специфической циклической закономерностью. В тот период замедления экономического роста бывали относительно недолгими: после небольшой заминки, обусловленной эффектом антиинфляционной политики, экономика снова возвращалась на траекторию быстрого подъёма. Однако во второй половине 1990-х годов течение хозяйственного цикла было модифицировано: из-за накопления избыточных производственных мощностей и нереализованных товарных запасов нисходящая фаза цикла не ограничилась просто замедлением прироста ВВП, а перетекла в длительное ослабление деловой активности и продолжительную (1998–2002 гг.) дефляцию.

Её преодоление начиная с 2003 г. произошло благодаря не столько стимулирующей государственной политике, сколько активизации внешнеэкономических связей Китая. Присоединение страны к ВТО в 2001 г. создало новые возможности для наращивания национального экспорта и привлечения иностранного капитала, в том числе спекулятивного, а это, в свою очередь, способствовало формированию внутри китайской экономики нового механизма экспансии совокупного спроса. В основе его лежало расширение денежного предложения вследствие быстрого накопления валютных резервов страны (см. [7]).

Новый виток ускоренного экономического роста в 2003–2008 гг. был весьма впечатляющим: среднегодовые темпы прироста китайского ВВП в этот период превышали 10%. Но китайская экономика в 2000-е годы стала в высокой степени зависимой от конъюнктуры международных рынков. Её торможение в 2008–2009 гг. было особо болезненным потому, что перелом в течение внутреннего хозяйственного цикла, как обычно инициированный антиинфляционным ужесточением политики, практически совпал по времени с мировым финансовым кризисом и сокращением спроса на китайские экспортные товары. На беспрецедентные хозяйственные трудности власти ответили массивной финансовой накачкой хозяйства с использованием как монетарных (снижение процентных ставок и нормы обязательных резервов, отмена квот на кредитную эмиссию банков), так и фискальных (наращивание госрасходов на инфраструктурное строительство и социальные программы, снижение налогов) методов.

Оживление экономики было достигнуто уже к середине 2009 г., а в течение последующего года оно превратилось в новый «перегрев». Как следствие, с конца 2010 г. власти снова стали увеличивать процентные ставки и нормативы обязательного резервирования; ужесточать регулирование рынка недвижимости, в том числе прямыми административными запретами на покупку второго и третьего жилья; урезать нормативы возмещения НДС экспортёрам и т.д. (см. [9]). Новое замедление экономического роста не заставило себя долго ждать: прирост ВВП в годовом исчислении снизился с 9,7% в первом квартале 2011 г. до 7,5% во втором квартале 2013 г. (см. [28, 16.04.2013, 7.08.2013]).

Итак, последние пять лет были для экономики Китая очень трудными: она пережила два «перегрева» и два резких торможения. В прошлых циклах преобладающие тенденции оставались в силе по нескольку лет, теперь же их переломы резко участились. По-видимому, можно констатировать, что экономический цикл, начавшийся в 2003 г., не был завершён во время мирового кризиса 2008–2009 гг. Он был искусственно продлён антикризисной политикой, а накопившиеся структурные проблемы при этом не только не были разрешены, но и продолжали усугубляться.

Прежде всего, речь идёт об избытке производственных мощностей, являющемся прямым следствием гипертрофированных капитальных вложений. Финансовая накачка 2008–2009 гг. способствовала временному снятию спросовых ограничений и породила новую волну инвестиционного бума. Иначе говоря, кризис так и не привёл к расчистке китайской экономики от излишка предложения, напротив, тот ещё больше увеличился, это и сформировало фундаментальные предпосылки для нового замедления экономического роста в 2011–2013 гг. Между тем внешний спрос на китайские товары со второй половины 2011 г. опять стал слабеть, на этот раз под влиянием европейского кризиса суверенной задолженности.

Бороться с ослаблением конъюнктуры путём принятия новой полномасштабной стимулирующей программы центральное правительство не стало. С одной стороны, это было обусловлено очевидной паллиативностью таких возможных мер, грозившей только мультиплицировать проблемы, а с другой – недостатком имеющихся ресурсов. Впрочем, центральные власти не препятствовали начавшейся с середины 2012 г. реализации стимулирующих инвестиционных программ провинциальными и городскими властями. Главными проводниками такой политики в регионах снова стали «инвестиционные платформы». Однако возможности наращивания

инвестиционных расходов на местах были ограниченными, и не только из-за вялого роста налоговых поступлений вследствие замедления экономики, но и из-за обозначившегося со второй половины 2011 г. застоя на рынке недвижимости.

До этого быстрый рост цен на нём был одним из наиболее ярких проявлений общего «перегрева» экономики. Но начиная с августа 2011 г. цены на жилые и офисные помещения стали снижаться, такая тенденция оставалась в силе до мая 2012 г. Прирост инвестиций в сектор недвижимости резко замедлился. Между тем местные власти значительную часть фискальных доходов традиционно получают как раз от продажи «прав пользования» земельными участками для нового строительства. Наступившая на рынке недвижимости стагнация ударила и по сопряжённым отраслям – производствам стали, цемента, стекла, товаров длительного пользования (см. [28, 16.04.2013, 13.08.2013]).

В таких условиях новый прирост капиталовложений «инвестиционных платформ» происходил параллельно с дальнейшим наращиванием их кредитной задолженности. По приблизительной оценке Национальной администрации аудита, совокупная задолженность местных властей могла в 2013 г. достигнуть 15–18 трлн. юаней, а по данным бывшего министра финансов КНР Сян Хуайчэна, она могла и вовсе составлять около 20 трлн. юаней, т.е. почти вдвое превысить уровень конца 2010 г. (см. [28, 16.04.2013, 12.08.2013]). Неизбежным следствием стала актуализация ещё одной хронической проблемы китайской экономики – проблемы «плохих долгов». Как известно, в первой половине 2000-х годов их доля в совокупных активах кредитных организаций даже по официальным данным была не меньше 25%. Но в последующем благодаря сочетанию мер реструктуризации задолженности, рекапитализации банков с использованием валютных резервов страны, акционирования банков и привлечения в их капиталы иностранных стратегических инвесторов доля «плохих долгов» снизилась к моменту начала мирового финансового кризиса до вполне благополучных показателей 1–1,5%.

Официальные источники с начала 2012 г. стали сообщать о новом нарастании абсолютных сумм просроченной кредитной задолженности. Однако долю «плохих долгов» в совокупных активах по состоянию на середину 2013 г. Китайская комиссия по банковскому регулированию оценивала всего в 0,96% (см. [28, 15.08.2013]). Мало кто из экспертов верил в достоверность этой цифры: американское рейтинговое агентство Moody's ещё в середине 2011 г. опубликовало доклад, согласно которому доля «плохих долгов» в китайских

банках уже на тот момент достигала 8–12% (см. [26, 11.07.2011]). С тех пор ситуация могла только ухудшиться.

Со сбоем стал действовать в последние годы сложившийся в Китае механизм поддержки экономического роста за счёт расширения денежного предложения. Положительное сальдо торгового баланса страны сократилось с 298,1 млрд. долл. в 2008 г. до 195,7 млрд. долл. в 2009 г., 181,5 млрд. долл. в 2010 г. и 154,9 млрд. долл. в 2011 г. (см. [18, с. 62]). Произошло это не только из-за сложной ситуации на международных товарных рынках, но и вследствие ухудшения ценовой конкурентоспособности китайских товаров в связи с продолжающейся ревальвацией юаня и ростом в стране издержек на оплату труда (а он отчасти стал результатом наращивания государством социальных расходов в рамках антикризисной политики 2008–2010 гг.).

Значительные колебания были свойственны в последние годы и притоку в Китай капитала из-за рубежа. Прямые иностранные инвестиции в 2012 г. составили 111,7 млрд. долл., сократившись на 4,3 млрд. долл. по сравнению с показателем 2011 г. (см. [18, с. 69]). Потоки иностранных спекулятивных (портфельных и кредитных) инвестиций, в течение многих лет стремившиеся в Китай благодаря ревальвационным ожиданиям, во второй половине 2011 г. обмелели из-за массового вывода средств с «формирующихся рынков» на Запад, вызванного долговыми трудностями европейских финансовых институтов. Правда, со второй половины 2012 г. тенденция снова изменилась благодаря поступлению в Китай и на другие «формирующиеся рынки» части ликвидности, эмитированной американской ФРС в ходе реализации программы «количественного смягчения». Но в любом случае рост китайских валютных резервов в 2011–2013 гг. существенно замедлился, и это не могло не сказаться на динамике юаневой денежной массы.

Власти снова пошли на некоторое смягчение монетарной политики: норма обязательных резервов с ноября 2011 г. по май 2012 г. снижалась трижды; в июне 2012 г. дважды снижались процентные ставки (см. [28, 10.10.2012]). Однако устойчивым трендом это не стало, так как наращивание кредитной эмиссии могло не только привести к новому росту избыточных производственных мощностей и задолженности местных властей, но и вызвать новый всплеск инфляции, прежде всего – на рынке недвижимости.

К середине 2012 г. в оценках не только экспертов-экономистов, но и официальных лиц стала преобладать констатация того, что замедление экономической динамики в КНР стало устойчивым. Исчерпала

себя модель экономического роста, основанная на разбухании инвестиционного спроса и на наращивании экспорта благодаря задействованию дешёвых трудовых ресурсов. Китайская экономика должна пройти через полосу реструктуризации и сглаживания накопившихся дисбалансов. А для поддержания роста ВВП в настоящее время нужно не столько наращивание государственного спроса, сколько дерегулирование: ослабление налоговой нагрузки на предприятия и домохозяйства и либерализация условий хозяйствования для частнопредпринимательского сектора (см. [28, 1.08.2012; 4.08.2012]). Собственно говоря, новым курсом это назвать нельзя: стимулировать потребительский спрос и частные инвестиции власти так или иначе пытались ещё с конца 1990-х годов. Но в 2012–2013 гг. эта составляющая в экономической политике стала по существу основной.

В течение 2012 г. Госсовет КНР выпустил в общей сложности 42 документа, детализировавших порядок применения изданного в мае 2010 г. постановления о поощрении негосударственных инвестиций (то постановление принято называть «Новые 36 пунктов о негосударственной экономике» – в отличие от содержавшего столько же статей аналогичного документа, появившегося в 2005 г.). В частности, были предусмотрены новые шаги по допуску частного капитала в электроэнергетику, газо- и водоснабжение, телекоммуникации, железнодорожный транспорт, финансовый сектор, нефтедобычу (см. [27, 2012, № 26, с. 6–7; 28, 7.08.2013]).

Финансовая поддержка малых негосударственных предприятий выразилась в том, что на 2012–2014 гг. они были освобождены от уплаты 22 административных сборов, в том числе за регистрацию предприятий. На 2012–2015 гг. для предприятий с годовым доходом менее 60 тыс. юаней была вдвое снижена ставка корпоративного подоходного налога (см. [26, 16.01.2012; 27, 2012, № 2, с. 31]). С начала 2012 г. в Шанхае стал осуществляться эксперимент по отмене налога на деловые операции – косвенного налога, взимаемого с предприятий сферы услуг, и замене его на НДС с целью исключения двойного налогообложения. С сентября 2012 г. эксперимент был распространён ещё на 10 городов и провинций, а с августа 2013 г. – на всю территорию страны. Охвачено им 9 сервисных отраслей, и, к примеру, для транспортных услуг ставка НДС была установлена на уровне 11%, а для высокотехнологичных информационных услуг – 6% (по сравнению с обычной ставкой в 17%) (см. [26, 1.08.2011, 16.01.2012, 30.07.2012; 28, 13.08.2013, 14.08.2013]). С августа 2013 г. все малые предприятия с доходом от реализации менее 20 тыс. юаней в месяц были освобождены от уплаты и налога на деловые операции, и НДС (см. [28, 13.08.2013]).

Острой проблемой для китайского частного бизнеса является затруднённый доступ к заёмным финансовым ресурсам: банки, находящиеся под госконтролем, предпочитают кредитовать крупные государственные предприятия. В августе 2013 г. Госсовет КНР выпустил указание, согласно которому прирост кредитования малых предприятий должен быть не меньше совокупного прироста кредитной эмиссии банков. Было заявлено и о готовности властей способствовать созданию ещё большего числа негосударственных кредитных организаций, специализирующихся на предоставлении финансовых услуг именно частному сектору (см. [28, 14.08.2013; 30, 13.08.2013]).

С середины 2000-х годов в КНР возникло несколько типов таких финансовых институтов: «деревенские и поселковые банки», «сельские кредитные компании», «деревенские общества финансовой взаимопомощи», «компании, выдающие кредиты на небольшие суммы». В марте–апреле 2012 г. Госсовет принял решения создать в Вэньчжоу и городах дельты реки Чжуцзян «экспериментальные зоны», где должны отработаться механизмы разгосударствления банковского сектора с привлечением национального частного капитала. Фактически речь идёт о легализации деятельности подпольных частных банков: не является секретом то, что в Вэньчжоу они активно создавались ещё с 1980-х годов. «Кредитное сжатие» 2011–2012 гг. затронуло и такие структуры, многие заимствовавшие у них деньги бизнесмены столкнулись с трудностями в обслуживании задолженности. В некоторых случаях это заканчивалось самоубийствами или бегством предпринимателей за границу, что, по-видимому, послужило для властей дополнительным доводом в пользу выведения частных финансовых институтов «из тени» (см. [26, 11.07.2011, 9.01.2012, 30.07.2012; 27, 2012, № 19, с. 10–13]).

Институциональные изменения в банковском секторе сопровождаются и новыми шагами по либерализации процентных ставок. В июне 2012 г. Народный банк Китая разрешил акционерным банкам и небольшим кредитным учреждениям повышать ставки по депозитам в пределах 110% от административно устанавливаемого ориентира базовой ставки, а крупным государственным банкам – в пределах 108% базовой ставки (свободные колебания в сторону уменьшения ставок по депозитам были разрешены ещё в 2004 г.). Также в июне 2012 г. НБК разрешил кредитным институтам снижать ставки по кредитам до уровня в 80% базовой ставки (верхний предел установления ставок по кредитам тоже был упразднён в 2004 г.). А в июне 2013 г. ставки по кредитам были полностью либерализованы, их возможное снижение как раз и призвано было облегчить мобилизацию заёмного

капитала инвесторами из числа негосударственных предприятий (см. [28, 2.08.2012; 29, 27.07.2013, с. 57]). На фоне дерегулирования процентных ставок органично выглядит решение властей несколько ослабить контроль над валютным курсом юаня. В апреле 2012 г. лимит его дневных колебаний по отношению к американскому доллару был увеличен с 0,5 до 1% (см. [27, 2012, № 19, с. 34, 35]).

В ноябре 2013 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва было продекларировано, что «реформы и открытость являются осуществляемой партией в новых исторических условиях новой великой революцией» (см. [25, 13.11.2013]). Свойственные прежнему высшему руководству КНР приоритеты «социальной гармонии» были, таким образом, изменены в пользу радикализации системных преобразований. Несомненно, институциональные реформы в Китае и дальше будут сугубо постепенными, но можно ожидать, что уже в недалёком будущем процессы разгосударствления китайской экономики существенно ускорятся.

Литература

1. *Груздев А.* «Финансовые платформы» местных правительств и их роль в кредитном буме в Китае (2009–2010 гг.) // Вопросы экономики, 2011, № 11. С. 122–132.
2. *Кабашкин В.А., Погуляева И.А.* Развитие государственно-частного партнёрства в странах Азии. М., 2010.
3. *Каримуллина А.В.* Промышленная политика Республики Сингапур: этапы, инструменты, результаты // Проблемы национальной стратегии, 2012, № 3. С. 153–167.
4. *Каримуллина А.В.* Современные западные интерпретации особенностей экономического развития новых индустриальных стран Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск 16-й (ЮВА 2010–2011). М., 2011. С. 96–112.
5. *Карлусов В.В.* Частное предпринимательство в Китае. М., 1996.
6. *Мозиас П.М.* Глобализация капитала и политика привлечения иностранных инвестиций в национальную экономику // Глобализация экономики и внешнеэкономические связи России. М., 2004. С. 192–207.
7. *Мозиас П.М.* Китай // Изменение глобального экономического ландшафта: проблемы и поиск решений. М., 2011. С. 239–281.
8. *Мозиас П.М.* Проблемы развития азиатских НИС в зеркале зарубежной экономической науки // Проблемы Дальнего Востока, 2001, № 1. С. 70–84; № 2. С. 61–75.
9. *Мозиас П.М.* Экономика Китая: до и после мирового финансового кризиса // 41-я НК ОГК. М., 2011. С. 228–242.
10. *Нуреев Р.М.* Теория общественного выбора. М., 2005.
11. *Нуреев Р.М.* Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М., 2008.
12. *Олейник А.Н.* Институциональная экономика. М., 2004.

13. Попов В.В. Стратегии экономического развития. М., 2011.
14. Участие бизнеса в финансировании сектора инфраструктуры: мировой опыт и перспективы для России // ВТБ Вектор, № 14, декабрь 2012.
15. Якобсон Л.И. Экономика общественного сектора: основы теории государственных финансов. М., 1996.
16. Чжан Юй. Чжиду юэсу, вайцзы илай юй Чжунго цзинци цзэнчжан – кунцзянь цзинцисюэ шицзяо ся дэ цзай шэньши (Институциональные ограничения, зависимость от иностранного капитала и экономический рост в Китае – новая трактовка с точки зрения «пространственной экономики»). Пекин, 2009.
17. Чжу Минь. Чжунго цзинци цюэ шэньмэ (Чего не хватает китайской экономике). Тайюань, 2010.
18. Чжунго тунци чжайяо 2013 (Краткий статистический ежегодник Китая 2013). Пекин, 2013.
19. Bhagwati J. Development Economics: What Have We Learnt // Ahojja-Patel K., Drabek A., Nerfin M. (eds.). World Economy in Transition. Oxford (UK), 1986. P. 12–24.
20. Dunning J. Transnational Corporations in a Changing World Environment: Are New Theoretical Explanations Required // Teng Weizao, Wang N.T. (eds.). Transnational Corporations and China's Open Door Policy. Lexington (Mass.) – London, 1988. P. 1–32.
21. Lall S. Industrial Strategy and Policies on Foreign Direct Investment in East Asia // Transnational Corporations, vol. 4, № 3, December 1995. P. 1–26.
22. Murphy K., Shleifer A., Vishny R. Industrialization and the Big Push // Journal of Political Economy, 1989, vol. 97, № 5. P. 1003–1024.
23. Stiglitz J. Markets, Market Failures, and Development // American Economic Review. Papers and Proceedings, vol. 79, № 2, May 1989. P. 197–203.
24. Stiglitz J. Some Lessons from the East Asian Miracle // World Bank Research Observer, vol. 11, № 2, August 1996. P. 151–177.
25. Жэньминь жибао хайвай бань (Ежедневная народная газета: зарубежный выпуск).
26. Цзинци гуаньча бао (Экономический обозреватель).
27. Beijing Review.
28. China Daily.
29. Economist.
30. Global Times.